

Митрополит Иларион: Очень важно, чтобы на каждом приходе были созданы условия для полноценного пребывания детей в храме

12 мая 2018 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на канале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Это программа «Церковь и мир», в которой мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом. Здравствуйте, владыка!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Владыка, в этом году 9 мая акция «Бессмертный полк» собрала рекордное число участников за пределами нашей страны. И с каждым годом число желающих пройти с портретами дедов, прадедов – участниками войны – все больше. У Вас было желание принять участие в этой акции и много ли священнослужителей Русской Православной Церкви, насколько Вам известно, в этой акции участвуют?

Митрополит Иларион: Многие священнослужители участвуют в этой акции, и каждый участвует в личном качестве, то есть не потому, что он священнослужитель, а потому, что у него в роду были люди, которые погибли на войне.

У меня в роду тоже были ветераны войны. Один мой дедушка погиб на войне в 1944 году, другой мой дедушка воевал, дошел до Румынии, и вернулся живым. Я думаю, что, наверное, в каждой или почти в каждой семье есть те, которых тем или иным образом затронула война.

Всякий раз, когда приходит день 9 мая, во всех храмах совершаются панихиды, мы молимся о упокоении всех погибших, тех, кто воевал, кто погиб в тылу, кто стали жертвами бомбардировок. Мы ведь, по-видимому, никогда не узнаем точное число погибших. И мы молимся за всех, потому что только Бог знает, как умирали люди во время войны. Это была страшная война, унесшая миллионы жизней, и она не должна повториться.

Е. Грачева: Как Вам кажется, владыка, есть ли у современной Европы, современной Германии прививка от неонацизма, от антисемитизма? В Германии израильтяне стесняются говорить, из какой они страны. Если их спрашиваешь, откуда они приехали, они отвечают: мы – из Ближнего Востока, не называя Израиль. Президент Центрального совета евреев Германии Йозеф Шустер заявил журналистам, что в больших городах евреям находиться опасно. Он призывает еврейские семьи забирать детей из государственных школ. Что Вам рассказывают священники, которые служат в Европе? Действительно ли есть эта тенденция?

Митрополит Иларион: Такая тенденция существует. Я много лет служил в Европе и хорошо помню, как в те времена, когда я был епископом в Австрии, стремительно набирала силу националистическая, по сути, неофашистская партия. Более того, в отдельных городах Австрии даже проходили марши неофашистов. И эта тревожная тенденция была, конечно, замечена властями.

Об этом много говорили, много писали в австрийской прессе того времени, но этот феномен никуда не делся, и в некоторых странах, в частности, в Германии, он набирает обороты. Например, мои родители застали войну. Мои бабушки застали войну, а дедушки, как я сказал, воевали. В послевоенные годы память о войне была очень свежа. И все понимали, что такое война и чем она страшна. Но для современного молодого поколения война – это уже факт истории, то есть эта историческая память способна продержаться какое-то время, но рано или поздно война становится фактом далекой истории. И тогда резко возрастает опасность того, что молодежь могут вдохновить какими-то милитаристскими или нацистскими идеалами.

Мы не должны забывать и о том, что как у нас есть люди, которые отрицают преступления сталинского режима, точно так же и в Германии, и в Австрии существуют те, кто утверждает, что гитлеровский режим не совершал тех преступлений, которые ему приписываются, и всячески пытаются обелить этот преступный режим.

Е. Грачева: Владыка, Вы упомянули тему исторической памяти. Если обратиться к той же Германии, в Берлине, с одной стороны, есть остатки Берлинской стены, тысячи туристов ежедневно около нее фотографируются и для всего мира это символ разъединения, холодной войны, к которой мы не имеем никакого права возвратиться. С другой стороны, в том же Берлине в туристическом месте Чекпойнт Чарли висит гигантский украинский флаг с антироссийской, антипутинской риторикой. Это можно встретить в туристических местах в Берлине. Это ли не открытое возвращение к холодной войне? Как Вы думаете, откровенно говоря, мы уже существуем в реальности новой холодной войны?

Митрополит Иларион: Думаю, что да, мы уже существуем в реальности новой холодной войны.

Причем сейчас ответственность лежит на всех сторонах конфликта, и это, прежде всего, ответственность за то, чтобы холодная война не переросла в настоящую войну.

Прежде всего, очень тяжелая ситуация сложилась в отношениях между США и Россией. И так же, как это было во времена холодной войны, так и сейчас нет прямого диалога, а в отсутствии прямого диалога стороны не способны договориться друг с другом. И поэтому я глубоко убежден в том, и об этом неоднократно в последнее время говорят религиозные лидеры, что нужно останавливаться и садиться за стол переговоров.

Е. Грачева: Есть низкобюджетная компания, лоукостер «Победа», которая собирается заказать для новых воздушных судов стоячие места для перелетов внутри страны. Мне почему-то в этой связи сразу вспоминается фильм «Мимино». Что Вы думаете по этому поводу? Есть ли какие-то пределы разумного, на Ваш взгляд?

Митрополит Иларион: Из фильма «Мимино» Вам, наверное, вспоминается эпизод, как на вертолете перевозили корову, которая была подвешена?

Я очень много летаю, и хорошо знаю, с чем сопряжены перелеты, какие риски могут подстергать пассажиров. Думаю, это очень плохая идея, потому что обязательно найдутся люди, которые захотят сэкономить деньги на авиабилетах и станут покупать стоячие места. Ведь простоять можно и час, и два, и три. Мы на каждой службе стоим по несколько часов. Но проблемы, прежде всего, будут возникать при взлете, при посадке и при нахождении самолета в зоне турбулентности. Ведь неслучайно, когда самолет взлетает, все пристегиваются ремнями, и даже, когда самолет взлетел и значок «пристегните ремни» погас, тем не менее, стюардесса всегда объявляет, что рекомендуется сохранять ремни застегнутыми как бы на всякий случай.

Почему это происходит? Потому что в полете может что-то пойти не так. Например, когда самолет попадает в зону турбулентности, его начинает трясти. У меня самого были случаи, когда я, скажем, шел по коридору самолета и вдруг оказывался в другом конце салона просто потому, что самолет трянуло, а я в это время не сидел пристегнутым в кресле.

Представьте себе то, что называется жесткой посадкой, когда самолет в условиях сильного ветра, в каких-то других плохих метеоусловиях с большим трудом садится, как бы почти падает на землю. И люди, которые находятся в креслах, которые пристегнуты, гораздо легче переносят, чем, допустим, если бы они стояли или сидели на некоем "седле", как сейчас говорят, что стоячее место будет похоже на седло всадника. Я уверен, что при такой жесткой посадке, если человек стоит, если он не пристегнут или находится в "седле", он может себе переломать кости, позвоночник и так далее. Поэтому, считаю, что это очень плохая идея, которая, надеюсь, никогда не воплотится в

жизнь.

Е. Грачева: В Амстердаме создали будку для самоубийств. Ее разработал голландский дизайнер и один австралийский активист, который выступает за легализацию эвтаназии. Это небольшая будка, туда запускается газ и самоубийца, как говорят разработчики, сначала чувствует легкое головокружение, затем теряет сознание и умирает. И это не модель будущего, изобретатели говорят, что к концу года они собираются сделать действующий образец. Как Вы относитесь к такой модели, если бы ее применяли в случае легализации эвтаназии, только для так называемых терминальных пациентов, которым остаются последние дни, месяцы жизни, они испытывают жуткие страдания?

Митрополит Иларион: Для терминальных пациентов в таких случаях используются, как правило, инъекции. Индустрия эвтаназии и индустрия убийства получает сейчас в целом ряде западных стран все большее и большее распространение. Это жуткое изобретение, о котором Вы рассказали, направлено на то, чтобы облегчить страдания тем, кто хочет покончить с собой. То есть человеку вместо того, чтобы выпрыгивать из окна, можно будет просто зайти в будку и спокойно и красиво уйти из жизни. Именно так представляют инициативу ее создатели.

На самом же деле, индустрия убийства и самоубийства приобретает все большую популярность на фоне полной бездуховности и нравственной вседозволенности, которая пропагандируется в западных странах. То есть если отсутствует представление о Боге, об абсолютных ценностях, в том числе о ценности человеческой жизни, тогда на первый план выходит представление о том, что каждый человек – хозяин своей жизни, которой он вправе распорядиться так, как хочет. А раз он хочет уйти из жизни, то надо создать для него комфортные условия. И если сейчас, допустим, каждый человек прежде, чем совершить акт самоубийства, подумает, не будет ли это больно или трудно, так как существует целый ряд препятствий, в том числе и психологических, то наличие такой будки, куда можно просто зайти и умереть, конечно, будет способствовать росту числа самоубийств. Я думаю, что задача государства, медицинских работников - дать людям возможность полноценно прожить тот срок, который им отведен Богом, а не просто помочь им уйти из жизни тогда, когда им это заблагорассудится.

Е. Грачева: Владыка, в предыдущей программе мы говорили о том, как глава государства Владимир Путин на встрече с ректорами вузов страны озвучил свое видение образования в России. Сейчас есть законодательная инициатива о том, чтобы выпускники бюджетных отделений вузов по распределению отработывали по примеру Европы, Америки деньги, затраченные государством на их образование, работая на это же государство по распределению. Что Вы думаете об этой инициативе? Как Вам кажется, приживется ли она среди наших выпускников?

Митрополит Иларион: Я думаю, что эта инициатива исходит не столько из опыта западных стран, сколько является попыткой возвратиться к советскому прошлому, когда каждый отучившийся в том или ином вузе был обязан отработать несколько лет по полученной специальности. Не думаю, что это жизнеспособная система, потому что насильно привязать человека к какому-либо рабочему месту невозможно.

Если бы речь шла о том, чтобы создавать рабочие места для людей, которые получают соответствующее образование - это совсем другое дело, то есть чтобы образование давало гарантию человеку, что он потом сможет работать по специальности. А если речь идет о том, чтобы принуждать людей, окончивших тот или иной вуз, работать не там, где они хотят, а по распределению, то я бы не стал поддерживать эту инициативу. Тем более, этот аргумент о связи данной инициативы с зарубежным опытом, по сути, фальшивый. На Западе существует другая система. Если человек получает стипендию от государства на какой-то конкретный курс, он потом должен эту стипендию отработать, то есть иными словами, он берет в долг у государства: государство платит за его обучение, а потом он где-то работает и возвращает государству потраченное.

Такая система на Западе действительно существует. Но не уверен, что это хорошая система, особенно в наших условиях, ведь у нас далеко не во всех сферах высокие зарплаты. Если у человека еще из зарплаты будет вычитаться все то, что государство на него потратило за время обучения, то, думаю, многие профессии станут нежизнеспособными. Люди перестанут получать такие профессии и возникнет острый дефицит, по крайней мере, некоторых низкооплачиваемых профессий.

Е. Грачева: После принятия законов о декриминализации побоев, в Москве, согласно статистике, резко увеличилось число обращений по вопросам семейного насилия. Причем, как отмечает уполномоченный по правам человека в столице Татьяна Потяева, помимо жалоб на бытовое насилие в отношении женщин и детей все чаще поступают жалобы на насилие в отношении старшего поколения, глубоко пожилых людей. С чем Вы это связываете? Вы такую тенденцию наблюдаете?

Митрополит Иларион: Да, мы, к сожалению, такую тенденцию наблюдаем, и должен сказать, что закон о декриминализации домашнего насилия в церковной среде вызвал очень противоречивую реакцию. В основном это была, насколько я могу судить, негативная реакция. Я сам негативно реагировал на эту законодательную инициативу.

Думаю, что озвученные Вами факты являются прямым следствием этой неудачной законодательной инициативы. Любые новые законодательные инициативы в этой области должны

быть направлены только на искоренение такого пагубного явления, как домашнее насилие. От этого, к сожалению, страдают очень многие люди, в том числе, как Вы правильно сказали, пожилые люди. Причем формы насилия могут быть самые разные. Это ведь необязательно физическое насилие. Это может быть вербальное насилие, когда молодые оскорбляют стариков, когда старики чувствуют себя в собственной семье потерянными и ненужными, когда их лишают каких-то удовольствий или даже лишают еды. Ведь это все разные формы домашнего насилия. К сожалению, эти формы домашнего насилия никак не регулируются законодательством.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир».

Вопрос: Многие люди приходят в церковь и приводят с собой маленьких детей, которые не понимают, как нужно вести себя в храме и воспринимают храм как игровую площадку. Должны ли священники объяснять таким прихожанам правила поведения в храме?

Митрополит Иларион: Думаю, что дети весь окружающий мир воспринимают как игровую площадку. Конечно, они не могут наравне со взрослыми участвовать в богослужении. Они не могут даже двадцать минут простоять неподвижно. Поэтому когда родители приводят маленьких детей на богослужение, они должны позаботиться, чтобы дети во время богослужения были чем-то заняты. Ребенок, например, может помогать ставить свечи или при приходе может быть какая-то игровая комната.

Мне приходилось посещать приходы, где есть такие комнаты. Дети играют, рисуют, но в какие-то моменты богослужения их зовут в храм, например, послушать Евангелие или услышать какие-то другие важные слова богослужения, и постепенно ребенок приучается к атмосфере храма, приучается к самой тональности богослужения, его строю, а со временем он начнет и понимать смысл богослужения.

Очень важно, чтобы на каждом приходе были созданы условия для полноценного пребывания детей в храме, чтобы взрослые не одергивали детей, если те шумят, чтобы не раздражались на детей. Но в то же время священник должен и для самих детей создавать такие условия, чтобы богослужение не было для них в тягость. Также это относится и к родителям. Нельзя из-под палки загонять детей в храм. Нужно, чтобы ребенок шел в храм с радостью, а для этого есть очень много способов. Например, чтобы у ребенка были друзья, чтобы он не один стоял, а с группой своих сверстников и чтобы они активно участвовали в богослужении.

Я знаю, что очень положительно действует на детей, когда они (если это мальчики) заходят в алтарь, участвуют в богослужении в качестве алтарников. Для мальчиков и девочек очень полезно и интересно петь в хоре. Если при храме существует детский хор, то это всегда возможность, по крайней мере, для музыкально одаренных детей, участвовать в богослужении так, чтобы это их не тяготило, а, наоборот, радовало. Есть и много других способов привлечь ребенка в храм, и в этой работе должны участвовать как священнослужители, настоятели храмов, так и сами родители.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/47462/>